

М. В. Ковалев¹, Т. К. Шор²

¹ *Саратовский государственный технический университет им. Ю. А. Гагарина
ул. Политехническая, 77, Саратов, 410054, Россия*

*Институт всеобщей истории РАН
Ленинский пр., 32а, Москва, 119334, Россия*

² *Национальный архив Эстонии
ул. Ноорусе, 3, Тарту, 50411, Эстония*

kovalevmv@yandex.ru, tatjana@tara.ra.ee

ДАВИД ДАВИДОВИЧ ГРИММ В ЭСТОНИИ *

Статья посвящена эстонскому периоду жизни и деятельности видного правоведа и общественного деятеля Давида Давидовича Гримма (1864–1941). Профессор Гримм эмигрировал из Советской России в 1919 г. В начале 1927 г. он получил предложение занять кафедру в Тартуском университете и в сентябре того же года переехал вместе с семьей в Эстонию. Д. Д. Гримм принимал активное участие в жизни русской диаспоры в Эстонии. Он состоял членом приходского совета тартуского Успенского собора, председателем местного отдела Русского национального союза. Его квартира часто служила местом встреч русской интеллигенции. В 1935 г. Гримм был приглашен в качестве эксперта для работы над новым Гражданским уложением (Конституцией) Эстонской республики. В феврале 1937 г. Д. Д. Гримма назначили членом Государственного совета (Riiginõukogu), верхней палаты создаваемого Национального собрания (Rahvuskogu), в качестве представителя от русского меньшинства. В эстонский период жизни Д. Д. Гримм написал мемуары о своей работе в Государственном совете Российской империи с 1907 по 1917 г., которые являются ценнейшим историческим источником и которые лишь недавно введены в научный оборот.

Ключевые слова: Д. Д. Гримм, Эстония, Тартуский университет, Зарубежная Россия, русская эмиграция, мемуаристика.

Имя профессора Давида Давидовича Гримма (1864–1941) не слишком хорошо известно сегодня, хотя и забытой фигурой его назвать нельзя. Ему повезло менее других современников и коллег по научному окружению, вроде В. И. Вернадского, М. М. Ковалевского, А. С. Лаппо-Данилевского, М. М. Новикова, С. Ф. Ольденбурга, удостоившихся жизнеописаний. Жизнь и деятельность Д. Д. Гримма вплоть до 2000-х гг. не становилась предметом специального изучения. О нем, разумеется, упоминали в тру-

дах по истории российских университетов, парламентаризма и политических партий, но почти всегда вскользь. Его, как ректора Санкт-Петербургского университета, неизменно вспоминали в контексте борьбы за академические свободы в России, в связи с противостоянием министру народного просвещения Л. А. Кассо, но опять же без должных подробностей. Справедливости ради скажем, что уже в наши дни были переизданы некоторые его научные работы, ученые-юристы по-прежнему цитируют его иссле-

* Статья подготовлена в рамках программы международного научно-образовательного сотрудничества «Иммануил Кант» (проект 33.9938.2017/ДААД).

дования по римскому праву. Фигура Гримма начинает все больше привлекать внимание исследователей [Алексеева, 2001; Николаев, 2005; Поцелуев, 2007; Томсинов, 2007; Шор и др., 2015; Ковалев, Мирзеханов, 2016]. При этом упор делается на дореволюционный этап его общественной деятельности, на его научное наследие, в то время как эмигрантский период биографии остается в тени. В особенности это касается периода жизни Д. Д. Гримма в независимой Эстонии, когда он не только с новой силой занялся научно-педагогической деятельностью, но и стал участником политической жизни страны. На восполнении этого пробела сфокусирована статья.

Д. Д. Гримм был активно вовлечен в революционные события 1917 г. Он не просто симпатизировал Временному правительству, а успел побывать в его составе в качестве товарища министра народного просвещения (с марта по июль 1917 г.). Поэтому пришедшие к власти большевики с явным недоверием относились к профессору. В начале сентября 1919 г. он был арестован и около шести недель провел в заключении¹. Остаться дальше в Петрограде было небезопасно, и Гримм принял решение вместе с семьей бежать из Советской России. В феврале 1920 г. он при помощи друзей пересек границу с Финляндией. Так начался период многолетней эмиграции и окончательного расставания с родной.

Поселившись в Хельсинки, Гримм включился в работу антибольшевистского движения, активно контактировал с петроградским подпольем, например с Таганцевской организацией [Мусаев, 2003; Черняев, 2009]. Он принимал участие в деятельности Национального центра, руководил газетой «Новая русская жизнь». С конца 1920 г. Д. Д. Гримм состоял представителем в Финляндии главнокомандующего русской армией генерала барона П. Н. Врангеля и парижского Совещания послов. «Однако наладить сколько-нибудь нормальные отношения с финляндским правительством, утратившим после падения Крымского фронта всякий интерес к поддержке таковых, не удалось», – будет

сетовать он несколько лет спустя². В 1922 г. газета «Новая русская жизнь» из-за нехватки средств прекратила свое существование. Недавний крах Кронштадтского восстания и разгром антибольшевистского подполья в Петрограде не внушали оптимизма. Д. Д. Гримм понял, что его дальнейшее пребывание в Финляндии теряет всякий смысл, и решил вернуться к профессорской деятельности. По некоторым сведениям, он уехал сначала в Париж, а затем в Берлин³. Правда, пребывание там оказалось недолгим. Гримм был приглашен на работу в Прагу, где как раз разворачивалась «Русская акция» чехословацкого правительства – беспрецедентная программа помощи эмигрантам из России, инициированная президентом Т. Масариком. Документы чехословацкой полиции свидетельствуют, что в Прагу Д. Д. Гримм и его близкие прибыли 7 июля 1922 г.⁴

В Чехословакии профессор энергично включился в научную и общественную жизнь русской диаспоры. Он стал заместителем председателя Русской учебной коллегии, вошел в состав Русской академической группы в Чехословакии. Но главным делом для Гримма стала работа на Русском юридическом факультете, открывшемся в мае 1922 г. Профессор получил там кафедру римского права и, кроме того, в декабре 1923 г. возглавил созданное Общество правоведения и общественных знаний. Он начал читать студентам курсы истории римского права и догмы римского права. Двадцать седьмого мая 1924 г. Д. Д. Гримм был избран деканом факультета и впоследствии, в 1925 и 1926 гг., переизбирался на этот пост. Гримму предстояло руководить Русским юридическим факультетом в весьма непростой период. Ввиду не востребоваемости дипломов, число желающих учиться римскому праву по доре-

² Ibid.

³ Сведения о пребывании Д. Д. Гримма в Париже и Берлине встречаются в некоторых биографических статьях, однако в архивных материалах пражской полиции указаний на это нет. Впрочем, в 1922 г. профессор отмечился публикацией статьи в эмигрантском берлинском сборнике [Гримм, 1922].

⁴ Národní archiv České republiky. Fond «Policejní ředitelství Praha II – všeobecná spisovna – 1921–1930». Kart. 837. Sign. G 908/13 Grimm David; Fond «Policejní ředitelství Praha II – evidence obyvatelstva». Sign. David Grimm 1864; Sign. Ivan Grimm 1891.

¹ Hoover Institution Archives, Stanford University. Mariia Dmitrievna Vrangeli' Collection, 1915–1944. Box 16. Fold. 30.

волюционным образцам стремительно падало. Другой проблемой для факультета стало сокращение финансирования со стороны чехословацкого правительства. Все это породило постепенное свертывание деятельности факультета.

Не видя перспектив и дальше оставаться в Праге, Гримм стал искать новое место работы. Здесь следует сказать, что еще в 1920 г. ему, благодаря хлопотам профессора-юриста Игоря Матвеевича Тютрюмова (1855–1943), пришло приглашение из Тартуского университета. Находясь в Хельсинки, Д. Д. Гримм получил известие, что Совет университета 14 апреля 1920 г. избрал его ординарным профессором римского права, а 1 июня 1920 г. министр народного просвещения Эстонской республики утвердил его в этой должности⁵. Новость для ученого оказалась совершенно неожиданной. В тот момент он еще надеялся на свержение большевиков и принимал кипучее участие в общественной деятельности. Поэтому от любезного приглашения пришлось отказаться: «...я никогда не извъявлял согласия на избрание меня профессором Дерптского университета (подчеркнуто в оригинале. – М. К., Т. Ш.), <...> я лишен возможности принять названную должность, о чем я уведомил профессора И. М. Тютрюмова, которому я подробно об этом написал. Принося университету благодарность за оказанную мне честь, могу лишь выразить сожаление по поводу прошедшего недоразумения, к которому я не подавал повода»⁶. Теперь же, семь лет спустя, Д. Д. Гримм вернулся к эстонскому предложению.

О его назначении в январе 1927 г. вновь ходатайствовал И. М. Тютрюмов, который писал декану юридического факультета, что «Г[осподин] Гримм по справедливости считался лучшим романистом в России... Он известен и своими научными трудами по истории и системе римского гражданского права»⁷. В начале 1927 г. Д. Д. Гримм согласился занять вакантную кафедру римского права на юридическом факультете Тартуского университета, в стенах которого когда-то началась его преподавательская карьера. «...Я с благодарностью принимаю избра-

ние меня ординарным профессором на вакантную кафедру системы римского права в Дерптском университете», – писал он в Эстонию 29 января 1927 г.⁸ Пятнадцатого марта 1927 г. Совет Тартуского университета избрал Гримма ординарным профессором, а 28 марта министр приказом № 32335 утвердил его в этой должности с разрешением в течение пяти лет вести занятия на немецком и русском языках, поскольку профессор совершенно не знал эстонского⁹. В начале сентября 1927 г. Д. Д. Гримм, его жена Вера Ивановна, сын Иван с супругой Марией Владимировной и сыном Константином, а также няня Степанида Кузьминична Кузьмина, служившая в доме профессора свыше 30 лет и добровольно последовавшая за его семьей в эмиграцию, прибыли в Тарту¹⁰.

Новая среда тепло приняла профессора. Он начал читать лекции по римскому договорному праву и вести практические занятия по системе римского права. Кажется, что Гримм, наконец, обрел долгожданный покой. В январе 1931 г. он с юмором писал своему младшему коллеге Петру Александровичу Остроухову (1885–1965) в Прагу: «Лично мы живем по-старому, как полагается в фортеции: мы в фортеции живем, хлеб едим и воду пьем, – только без дальнейшего продолжения этой солдатской песни: картечи не хватает»¹¹. Но, конечно, не все было так гладко. Д. Д. Гримму пришлось столкнуться с экономическими проблемами, порожденными мировым кризисом, о которых он писал все тому же Остроухову в июле 1932 г.: «Здесь тоже идут сокращения. Уже сократили нас с января т[екущего] г[ода] на 15 %, и теперь, по-видимому, предстоят новые сокращения <...> Вообще, вся Европа живет сейчас без завтрашнего дня, как мы грешные с 17-го

⁸ Ibid. 2100.2.150.12.

⁹ Ibid. 2100.2.150.19 p. Свои исследования в эстонский период жизни Д. Д. Гримм будет публиковать в основном по-немецки [Grimm, 1933b; 1936].

¹⁰ Rahvusarhiiv Tallinnas. ERA. 14.12.4375.11; Rahvusarhiiv Tartus. EAA. 2100.2.150.28–28 p.

¹¹ ГАРФ. Ф. 9586. Оп. 1. Д. 171. Л. 1 об. Здесь Д. Д. Гримм цитирует эпиграф к третьей главе «Капитанской дочки» А. С. Пушкина: «Мы в фортеции живем, // Хлеб едим и воду пьем; // А как лютые враги // Придут к нам на пироги, // Зададим гостям пирушку: // Зарядим картечью пушку».

⁵ Rahvusarhiiv Tartus. EAA. 2100.2.150.3a,4.

⁶ Ibid. 2100.2.150.6

⁷ Ibid. 2100.2.150.15.

года»¹². Случались проблемы и в университете. Так, в январе 1935 г. был сорван объявленный профессором курс по римскому договорному праву. На первую лекцию пришло только двое студентов, а на вторую и третью не явилось никого. Grimm был обижен: «При таких условиях я считаю дальнейшие попытки чтения объявленного мною курса бесцельными и несовместимыми с моим достоинством»¹³.

В 1929 г. Д. Д. Grimm принял за мемуары и писал их в течение двух лет. Целью своих воспоминаний он называл «правдивое сказание о том, чем был и какую роль в действительности играл преобразованный Государственный совет в строю наших конституционных учреждений»¹⁴. Научная квалификация и историческая отстраненность Grimma придают особый ракурс его воспоминаниям, в то же время не лишая их индивидуальности и определенной субъективности. Они отразили в себе не только время, но и внутренний мир этого истинного осколка старой уходящей России, в эмиграции вновь пережившего все перипетии самого плодотворного периода своей жизни. Стиль и манера повествования записок Д. Д. Grimma погружают в университетскую жизнь и атмосферу высшей власти предреволюционного Петербурга [Шор и др., 2015. С. 75].

Мемуары Grimma интересны в нескольких отношениях. Во-первых, это любопытный и совершенно неиспользованный источник по истории России первой четверти XX в., с особым вниманием освещающий деятельность Государственного совета, университетский вопрос и т. д. Он был совершенно неизвестен исследователям и лишь недавно стал объектом специального изучения. Во-вторых, мемуары Д. Д. Grimma органически дополняют воспоминания целого ряда русских общественных и государственных деятелей предреволюционного времени, опубликованные в тот период и позже. Заметим, что в последние годы были опубликованы важные источники, отражающие работу высших органов государственной власти Российской империи, в том числе Государственного совета. Среди них – извлеченные из архивов

мемуары А. Н. Куломзина [2016], Н. Н. Покровского [2015], М. В. Шахматова [2005]. В 2007 г. в Минске появился сокращенный русский перевод мемуаров Э. Войниловича [2007], польского депутата Государственного совета, впервые увидевших свет в Вильно в 1931 г. [Woyniłowicz, 1931]. В 2009 г. были переизданы воспоминания государственного секретаря С. Е. Крыжановского [2009]. Мемуары Д. Д. Grimma встают в один ряд с этими важными источниками и существенно дополняют их. И, наконец, в-третьих, они примечательны как литературный памятник русской эмиграции в Прибалтике в 1920–1930-х гг. В Таллинне в 1929 г. вышла книга Э. А. Верцинского «Год революции. Воспоминания офицера генерального штаба за 1917–1918 годы» [1929]. Годом позже в Риге были изданы мемуары генерала П. П. Петрова «От Волги до Тихого океана в рядах белых» [1930]. Печатались воспоминания камер-пажа Б. А. Энгельгардта [1997]. Напомним, что в Эстонии времен первой Республики были опубликованы на эстонском языке мемуары бывшего эстляндского губернатора А. В. Бельгарда, напечатанные в полном объеме на языке оригинала в 2009 г. и почти сразу же переизданные на эстонском языке [2009; Bellegarde, 2010]. Рукопись Д. Д. Grimma хронологически опережает работу А. В. Бельгарда, если, конечно, не допустить, что последний писал свои записки, будучи еще в Германии, а не в Эстонии. Типологическое сходство обоих мемуаров обусловлено не только исторически, но и личностными характеристиками авторов.

Воспоминания Grimma даже в период «мемуарного бума» 1990–2000-х гг., когда впервые увидели свет или были переизданы произведения многих видных деятелей императорской России, так и не были опубликованы. Однако в ходе кропотливой работы российских и эстонских историков в 2014–2017 гг. они подготовлены к изданию и увидели свет [Grimm, 2017].

На рубеже 1920–1930-х гг. заметно омрачили жизнь престарелого профессора следующие семейные обстоятельства. Еще в Праге, в июне 1922 г. его сын Иван женился на молодой красавице Марии Владимировне Максимовой (1900–1941). В марте следующего года у них родился сын Константин. Осенью

¹² Там же. Л. 2 об.

¹³ Rahvusarhiiv Tartus. EAA. 2100.2.150.105.

¹⁴ Ibid. 2100.2.150a.5.

1927 г. вся семья Гриммов оказалась в Тарту, и уже там казавшимся счастливым брак дал трещину. У Марии возник роман с Василием Александровичем Карамзиным (1884–1941), правнуком брата великого историка, бывшим кавалеристом, служившим вместе с поэтом Н. С. Гумилевым. Иван, видя бессмысленность попыток сохранить семью, дал супруге развод, и 23 октября 1929 г. Мария повторно вышла замуж, взяв фамилию нового мужа – Карамзина. Под ней она и вошла в эмигрантскую литературу как талантливая, незаурядная поэтесса. К слову, в декабре 1931 г. Иван Гримм также повторно сочетался браком. Его избранницей стала Наталья Васильевна Маслова (1899–1943), и вскоре у них появились дети – Алексей (1933) и Ольга (1936). Нет сомнения, что Давид Давидович Гримм переживал за судьбу своего сына, и что перипетии его семейной жизни воспринимались им тяжело. Но едва ли не более сильным ударом для профессора стал уход из жизни любимой супруги Веры 2 марта 1930 г.

В эстонский период Д. Д. Гримм принимал активное участие в эмигрантской общественной жизни. Со слов Тамары Павловны Милютиной (1911–2004), его приезд «украсил русский Тарту» [2008. С. 157]. Долгое время он состоял членом приходского совета тартуского Успенского собора, был председателем местного отдела Русского национального союза. Его жилище часто служило местом неформальных встреч русской интеллигенции. Один из современников много лет спустя писал: «Помню рождественскую елку в профессорской квартире с высокими потолками, которые словно подпирали стоявшие вдоль стен книжные стеллажи, помню продолговатое худощавое лицо Ивана Давидовича Гримм и сидящего в кресле укрытого клетчатым пледом его старого отца, бывшего члена Государственного совета России... Остались в памяти терпкие запахи елки, мешающиеся с ароматом тонких духов, исходивших от одетой в темно-фиолетовое платье хозяйки дома с восточными миндалевидными глазами, в которых словно затаилась улыбка леонардовской Мона Лизы» [Машкеев, 2008. С. 167–168].

Д. Д. Гримм не прерывал контакты с друзьями и коллегами, оставшимися в Праге. К нему в гости приезжал из чехословацкой

столицы архиепископ Сергей [Милютина, 2008. С. 159–160]. Известно, что в мае 1937 г. Гримм послал поздравительный адрес в честь 15-летия создания Русского юридического факультета, торжественно зачитанный во время «профессорского чая» с участием видных представителей русской диаспоры (Л. А. Новгородцева, К. И. Завадская, А. С. Ломшаков, М. М. Новиков, П. Н. Савицкий, П. А. Остроухов, С. И. Варшавский, Д. И. Мейснер, И. И. Лапшин, Д. Н. Иванцов, А. А. Вилков, Е. В. Тарабрин) [Kronika..., 2001. S. 435].

Факты свидетельствуют о том, что в Эстонской республике Гримм пользовался очень большим авторитетом. В феврале 1931 г. он обратился к министру юстиции и внутренних дел с просьбой принять его в эстонское подданство на основании § 9 «Закона о гражданстве» 1922 г. Его поручителями готовы были выступить видные местные ученые: декан юридического факультета Тартуского университета, профессор Юри Улуотс (Jüri Uluots; 1890–1945), профессор международного права Тартуского университета Антони Пийп (Antoni Piip), профессор уголовного права Тартуского университета Карл Саарманн (Karl Saarmann; 1893–1948)¹⁵. Уже в конце марта это ходатайство было удовлетворено¹⁶.

Семидесятилетие профессора в 1934 г. широко отмечалось в интеллектуальных кругах. На годовом общем собрании Академического союза юристов под руководством профессора А. Пийпа было устроено чествование Д. Д. Гримма. По достижении предельного возраста он с 1 июля 1934 г. вышел на пенсию¹⁷, однако остался работать в университете в качестве внештатного преподавателя.

В 1935 г. министр юстиции и внутренних дел пригласил Гримма в качестве эксперта для работы над новым Гражданским уложением (Конституцией) Эстонской республики. Профессор с интересом принял это предложение, попросив временно отменить занятия в университете¹⁸. Выбор Д. Д. Гримма был не случаен. Сказывался не только его большой

¹⁵ Rahvusarhiiv Tallinnas. ERA. 14.12.4375.1.

¹⁶ Ibid. 14.12.4375.10.

¹⁷ Rahvusarhiiv Tartus. EAA. 2100.2.150.69,107.

¹⁸ Ibid. 2100.2.150.112.

опыт, но и конкретный интерес к правовому строительству в республике. Еще в 1933 г. он опубликовал свои заметки к проекту второй Конституции Эстонии, которая должна была прийти на смену основному закону 1920 г. [Grimm, 1933a]. Здесь возникает трудный для объяснения момент, который еще нуждается в дополнительном изучении. Дело в том, что профессор Гримм подверг острой критике проект Эстонского союза участников Освободительной войны, обратив внимание на то, что он «отбрасывает прочь все современные правовые основы, уничтожает все реальные возможности того, чтобы законы и законность обеспечивали народу его гражданские и политические свободы» [Ibid. № 8. L. 347]. Именно этот документ в итоге получил одобрение, вступив в силу 24 января 1934 г., и именно он послужил правовой основой для формирования нового политического режима в стране. Теперь же, в 1935 г., профессора Гримма, поборника демократии и права, пригласили для выработки новой Конституции, которая должна была усилить вертикаль власти. И он согласился.

В феврале 1937 г. глава государства Константин Пяте (Konstantin Päts; 1874–1956) назначил Д. Д. Гримма членом Государственного совета (Riiginõukogu), верхней палаты создаваемого Национального собрания (Rahvuskogu), в качестве представителя от русского меньшинства. Профессор полагал, что страна нуждалась в его опыте членства в Государственном совете Российской империи в 1907–1917 гг. Он отмечал, что «до сих пор здесь [в Эстонии] существовала только однопалатная система и никто практически из депутатов Нац[ионального] собрания, одинаково как избранных, так и назначенных, не имел ясного представления о том, как двухпалатная система выглядит не только на бумаге, но и в практическом применении в жизни»¹⁹. Д. Д. Гримма смущали его преклонный возраст и ограниченная работоспособность, но еще более – незнание эстонского языка. Впрочем, эту проблему удалось решить. Глава государства распорядился, что проект Основного закона будет переведен специально для него на русский язык, а во время заседаний к нему будет приставлен пе-

реводчик. Давид Давидович согласился: «Вот как судьба играет с людьми. Был я в свое время выборным членом Государственного Совета, а здесь стал одним из 10 назначенных членов второй палаты Эстонского парламента»²⁰. Работа оказалась интересной, но тяжелой. С февраля по июнь 1937 г. он практически еженедельно с понедельника по пятницу уезжал из Тарту в Таллинн, приобретая в результате «дрожание ноги и постоянное легкое головокружение»²¹. Лишь в июне 1937 г. он переселился на дачу близ столицы, чтобы облегчить свои передвижения вплоть до окончания работы над новой конституцией. Она была принята Национальным собранием 28 июля 1937 г. и 17 августа подписана главой государства.

Пожалуй, это было последнее яркое событие в общественной жизни профессора Д. Д. Гримма. Преклонный возраст давал о себе знать. К тому же из Тарту вынужден был уехать его сын Иван, переживший разрыв с женой. И. Д. Гримм, как и отец, избрал карьеру правоведа. Однако в Тарту он постоянную работу найти не смог и потому перебрался в Ригу. Д. Д. Гримм оставался в Эстонии, вероятно, до конца 1938 г. – начала 1939 г., а затем уехал к сыну в Латвию. В январе 1939 г. уже оттуда он благодарил декана юридического факультета Тартуского университета за поздравление с юбилеем, которое его «глубоко тронуло как свидетельство о внутренней связи и добрых товарищеских отношениях, сохранившихся между нами и после выбытия моего из состава штатной профессуры Тартуского университета»²².

К сожалению, о последних годах жизни ученого известно крайне мало. Имеющиеся источники не позволяют пока сказать, как пережил он роковые 1939–1941 гг.: начало Второй мировой войны, советизацию Прибалтики вкупе с развернувшимися там репрессиями²³, начало Великой Отечественной войны и захват Риги немцами. Доподлинно

²⁰ Там же. Л. 4 об.

²¹ Там же. Л. 4.

²² Rahvusarhiiv Tartus. EAA. 2100.2a.8.26.

²³ Насколько известно, ни Д. Д. Гримм, ни его сын Иван не подверглись преследованию со стороны органов НКВД. В то же время в марте 1941 г. был арестован В. А. Карамзин, которого через несколько месяцев расстреляли, а его супруга М. В. Карамзина, бывшая жена И. Д. Гримма, 14 июня 1941 г. была депортирована на

¹⁹ ГАРФ. Ф. 9586. Оп. 1. Д. 171. Л. 3 об.

известно лишь, что скончался профессор Д. Д. Гримм 29 июля 1941 г. в Риге, вскоре после ее захвата немецкими войсками, и был похоронен на Покровском кладбище, где нашли свой последний приют многие эмигранты из России (Tēviņa. 1941. 30. jūlijs. № 26).

На протяжении всей своей жизни Давид Давидович Гримм был неутомимым борцом за интеллектуальную и творческую свободу. Он полагал, что успешное и динамичное развитие России возможно лишь при условии соблюдения законности и главенстве правовых начал. Он выступал противником любого радикализма, как правого, так и левого. Университетам он отводил особую роль в процессе модернизации, и поэтому выступал последовательным сторонником академических свобод. Вся его деятельность была отмечена преобразовательным пафосом, столь свойственным интеллигенции его времени и порой далеким от исторической реальности. В этом заключалась и сила профессора Гримма, и его драма. Эстонский период в полной мере выражал эти его черты.

Список литературы

Алексеева Т. А. Из истории преподавания римского права в Императорском Санкт-Петербургском университете // Изв. высших учебных заведений. Правоведение. 2001. № 6 (239). С. 199–208.

Ковалев М. В., Мирзеханов В. С. Давид Давидович Гримм // Вопр. истории. 2016. № 1. С. 19–33.

Мусаев В. И. Политические организации российской эмиграции в Финляндии в 1920–1930-е гг. // Зарубежная Россия. 1917–1939. СПб., 2003. Кн. 2. С. 84–86.

Николаев А. Б. Д. Д. Гримм – комиссар Временного комитета Государственной Думы // Вопр. истории. 2005. № 7. С. 142–147.

Поцелуев Е. Л. Теория правонарушения и ее российские последователи во второй половине XIX в. // Личность. Культура. Общество. 2007. Вып. 1 (34). С. 292–307.

Томсинов В. А. Давид Давидович Гримм (1864–1941) // Томсинов В. А. Российские

правоведы XVIII–XX веков: Очерки жизни и творчества. М., 2007. Т. 2. С. 222–252.

Черняев В. Ю. Кронштадтские повстанцы, белая эмиграция и антибольшевистское подполье Петрограда // Нансеновские чтения 2008. СПб., 2009. С. 17–38.

Шор Т. К., Ковалев М. В., Воронежцев А. В. Давид Давидович Гримм и его воспоминания // Историческая память и стратегии российско-немецкого межкультурного диалога. Саратов, 2015. С. 72–92.

Kronika kulturního, vědeckého a společenského života ruské emigrace v Československé republice. Praha: Slovanský ústav AV ČR, 2001. Sv. 2: 1930–1939. 639 s.

Список источников

Бельгард А. В. Воспоминания. М.: Новое лит. обозрение, 2009. 688 с.

Верцинский Э. А. Год революции. Воспоминания офицера генерального штаба за 1917–1918 годы. Таллинн: ERK, 1929. 62 с.

Войнилович Э. Воспоминания. Минск: Минская Римско-католическая парafia Св. Симона и Елены, 2007. 379 с.

Гримм Д. Д. Из жизни Государственного совета 1907–1917 гг.: воспоминания. СПб.: Нестор-История, 2017. 272 с.

Гримм Д. Д. Проблема вещных и личных прав в древнеримском праве // Труды русских ученых за границей. Берлин, 1922. Т. 1. С. 22–63.

Крыжановский С. Е. Воспоминания: из бумаг С. Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи. СПб.: Рос. нац. б-ка, 2009. 228 с.

Куломзин А. Н. Пережитое. Воспоминания. М.: РОССПЭН, 2016. 1038 с.

Машкеев В. Какая страшная нежность и жалость... // Карамзина М. В. Ковчег: Стихотворения. Судьба. Памятные встречи. Письма И. А. Бунина к М. В. Карамзиной. Таллинн, 2008. С. 167–180.

Милютин Т. Венцом уложенные косы // Карамзина М. В. Ковчег: Стихотворения. Судьба. Памятные встречи. Письма И. А. Бунина к М. В. Карамзиной. Таллинн, 2008. С. 157–166.

Петров П. П. От Волги до Тихого океана в рядах белых (1918–1922 гг.). Рига: Изд. М. Дидковского, 1930. 250 с.

спецпоселение в Сибирь, где скончалась 17 мая 1942 г. от болезней и голода.

Покровский Н. Н. Последний в Мариинском дворце: воспоминания министра иностранных дел. М.: Новое лит. обозрение, 2015. 488 с.

Шахматов М. В. Последние дни Мариинского дворца и Петрограда. Прага, 1927 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М., 2005. Т. 14. С. 669–691.

Энгельгардт Б. А. Воспоминания камер-пажа // Балтийский архив. Таллинн, 1997. Т. 2. С. 197–268; Т. 3. С. 143–256.

Bellegarde A. Minu mälestusi Eestima kuberneriina. Tallinn: Eesti Päevaleht – Akadeemia, 2010. 217 lk.

Grimm D. D. Die Sociologischen Grundlagen des Römischen Besitzrechts // Studi in onore

di Salvatore Riccobono nel XL anno del suo insegnamento. Palermo, 1936. Vol. 4. P. 173–200.

Grimm D. D. Eesti Vabariigi Põhiseaduse uus muutmise seaduse eelnõu // Õigus: juriidiline ajakiri. 1933a. № 7. L. 311–326; № 8. L. 337–347.

Grimm D. D. Zur Frage über den Begriff der Societas im Klassischen Römischen Rechte // Acta et Commentationes Universitatis Tartuensis (Dorpatensis). Tartu, 1933b. B. Humaniora. T. 30. P. 1–87.

Tēvija (Rīga). 1941. 30. jūlijs. № 26.

Woyńłowicz E. Wspomnienia 1847–1928. Wilno: Komitet Uczczenia ś. p. E. Woyńłowicza, 1931. 368 s.

Материал поступил в редколлегию 24.10.2017

M. V. Kovalev ¹, T. K. Shor ²

¹ *Yuri Gagarin State Technical University of Saratov
77 Politekhnikeskaya Str., Saratov, 410054, Russian Federation*

*Institute of World History of the RAS
32a Lenin Ave., Moscow, 119334, Russian Federation*

² *National Archive of Estonia
3 Nooruse, Tartu, 50411, Republic of Estonia*

kovalevmv@yandex.ru, tatjana@tara.ra.ee

DAVID DAVIDOVICH GRIMM IN ESTONIA

The article is devoted to the Estonian period of life and activity of the prominent jurist and public figure David Davidovich Grimm (1864–1941). He was an active participant in the political life of pre-revolutionary Russia. Grimm was a member of the State Council of the Russian Empire, being the elected representative from the universities and the Academy of Sciences. The professor supported the February revolution. He collaborated with the Provisional Government. From March to July 1917 he was Deputy Minister of Education. D. D. Grimm emigrated from Soviet Russia in 1919. In early 1927, he received an offer to take up the Chair in the University of Tartu, and in September of the same year he moved with his family to Estonia.

D. D. Grimm took an active part in the life of the Russian diaspora in Estonia. He was a member of the parish council of the Tartu Assumption Cathedral, the chairman of the local department of the Russian National Union. His apartment often served as a meeting place for Russian intelligentsia. In 1935, Grimm was invited as an expert to work on the new Civil Code (Constitution) of the Republic of Estonia. In February 1937, D. D. Grimm was appointed a member of the State Council (Riiginõukogu), the upper house of the newly created National Assembly (Rahvuskogu), as a representative of the Russian minority. In the Estonian period D.D. Grimm wrote memoirs on his participation in the State Council of the Russian Empire from 1907 to 1917, which are a valuable historical source, and which have only recently been introduced into scientific circulation.

Very little is known about the last years of the scientist's life. The available sources do not yet allow us to say how he experienced the fateful 1939–1941: the beginning of the Second World War,

the Sovietization of the Baltic States, together with the repression that developed there, the beginning of the Great Patriotic War and the seizure of Riga by the Germans. It is known for certain that Professor D. D. Grimm died on July 29, 1941 in Riga, shortly after its capture by German troops, and was buried in the Pokrovsky Cemetery.

Keywords: D. D. Grimm, Estonia, University of Tartu, Russia Abroad, Russian emigration, memoirs.

References

Alekseeva T. A. Iz istorii prepodavaniya rimskogo prava v Imperatorskom Sankt-Peterburgskom universitete [From the History of the Teaching of Roman Law in the Imperial University of St. Petersburg]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie [The News of Higher Educational Institutions. Jurisprudence]*, 2001, no. 6 (239), p. 199–208. (In Russ.)

Chernyaev V. Yu. Kronshtadtskie povstantsy, belaya emigratsiya i antibol'shevistskoe podpol'e Petrograda [Kronstadt Rebels, White Emigration and Anti-Bolshevik Underground of Petrograd]. *Nansenovskie chteniya 2008 [Nansen's Readings 2008]*. St. Petersburg, 2009, p. 17–38. (In Russ.)

Kovalev M. V., Mirzekhanov V. S. David Davidovich Grimm [David Davidovich Grimm]. *Voprosy istorii [Questions of History]*, 2016, no. 1, p. 19–33. (In Russ.)

Kronika kulturního, vědeckého a společenského života ruské emigrace v Československé republice. Prague, Slovanský ústav AV ČR, 2001, vol. 2. 1930–1939, 639 s. (In Czech)

Musaev V. I. Politicheskie organizatsii rossiiskoi emigratsii v Finlyandii v 1920–1930-e gg. [Political Organizations of the Russian Emigration in Finland in 1920–1930s]. *Zarubezhnaya Rossiya. 1917–1939 [Russia Abroad. 1917–1939]*. St. Petersburg, 2003, vol. 2, p. 84–86. (In Russ.)

Nikolaev A. B. D. D. Grimm – komissar Vremennogo komiteta Gosudarstvennoi Dumy [D. D. Grimm – a Commissar of the Provisional Committee of the State Duma]. *Voprosy istorii [Questions of History]*, 2005, no. 7, p. 142–147. (In Russ.)

Potseluev Ye. L. Teoriya pravonarusheniya i ee rossiiskie nasledovateli vo vtoroi polovine XIX v. [The Theory of Offense and Its Russian Followers in the 2nd Half of the 19th Century]. *Lichnost'. Kul'tura. Obschestvo [Personality. Culture. Society]*, 2007, no. 1 (34), p. 292–307. (In Russ.)

Shor T. K., Kovalev M. V., Voronezhstsev A. V. David Davidovich Grimm i ego vospominaniya [David Davidovich Grimm and His Memoirs]. *Istoricheskaya pamyat' i strategii rossiisko-nemetskogo mezhkul'turnogo dialoga [Historical Memory and Strategies of the Russian-German Intercultural Dialogue]*. Saratov, 2015, p. 72–92. (In Russ.)

Tomsinov V. A. David Davidovich Grimm (1864–1941). Tomsinov V. A. *Rossiiskie pravovedy XVIII–XX vekov: Ocherki zhizni i tvorchestva [Russian Jurists of the 18th – 20th Centuries: Essays on Life and Creativity]*. Moscow, 2007, vol. 2, p. 222–252. (In Russ.)

Sources

Belgard A. V. *Vospominaniya [Memories]*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2009, 688 p. (In Russ.)

Bellegarde A. *Minu mälestusi Eestimaa kubernerina*. Tallinn, Eesti Päevaleht – Akadeemia, 2010, 217 lk. (In Est.)

Engelgardt B. A. Vospominaniya kamer-pazha [Memoirs of the Chamber-Page]. *Baltiiskii arkhiv [The Baltic Archive]*. Tallinn, 1997, vol. 2, p. 197–268; vol. 3, p. 143–256. (In Russ.)

Grimm D. D. Die Sociologischen Grundlagen des Römischen Besitzrechts. *Studi in onore di Salvatore Riccobono nel XL anno del suo insegnamento*. Palermo, 1936, vol. 4, p. 173–200.

Grimm D. D. Eesti Vabariigi Põhiseaduse uus muutmise seaduse eelnõu. *Õigus: juriidiline ajakiri*, 1933a, no. 7, lk. 311–326, no. 8, lk. 337–347. (In Est.)

Grimm D. D. *Iz zhizni Gosudarstvennogo soveta 1907–1917 gg.: vospominaniya [From the Life of the State Council in 1907–1917: Memories]*. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2017, 272 p. (In Russ.)

Grimm D. D. Problema veschnykh i lichnykh prav v drevnerimskom prave [The Problem of Real and Personal Rights in Ancient Roman Law]. *Trudy russkikh uchennykh za granitsej* [Proceedings of Russian Scientists Abroad]. Berlin, 1922, vol. 1, p. 22–63. (In Russ.)

Grimm D. D. Zur Frage über den Begriff der Societas im Klassischen Römischen Rechte. *Acta et Commentationes Universitatis Tartuensis (Dorpatensis)*. Tartu, 1933b, B. Humaniora, vol. 30, p. 1–87.

Kryzhanovsky S. E. *Vospominaniya: iz bumag S. E. Kryzhanovskogo, poslednego gosudarstvennogo sekretarya Rossiiskoi imperii* [Memories: from the Papers of S. E. Kryzhanovsky, the Last State Secretary of the Russian Empire]. St. Petersburg, Rossiiskaya natsional'naya biblioteka, 2009, 228 p. (In Russ.)

Kulomzin A. N. *Perezhitoye. Vospominaniya* [Experienced. Memories]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2016, 1038 p. (In Russ.)

Mashkeev V. Kakaya strashnaya nezhnost' i zhalost'... [What a Terrible Tenderness and Pity...]. Karamzina M. V. *Kovcheg: Stikhotvoreniya. Sud'ba. Pamyatnye vstrechi. Pis'ma I. A. Bunina k M. V. Karamzinoi* [The Ark: Poems. Fate. Memorable Meetings. Letters of I. A. Bunin to M. V. Karamzina]. Tallinn, 2008, p. 167–180. (In Russ.)

Milyutina T. Ventsom ulozhennye kosy [Scythe Crimped Like a Crown]. Karamzina M. V. *Kovcheg: Stikhotvoreniya. Sud'ba. Pamyatnye vstrechi. Pis'ma I. A. Bunina k M. V. Karamzinoi* [The Ark: Poems. Fate. Memorable Meetings. Letters of I. A. Bunin to M. V. Karamzina]. Tallinn, 2008, p. 157–166. (In Russ.)

Petrov P. P. *Ot Volgi do Tikhogo okeana v ryadakh belykh (1918–1922 gg.)* [From the Volga to the Pacific Ocean in the Ranks of Whites (1918–1922)]. Riga, Izdanie M. Didkovskogo, 1930, 250 p. (In Russ.)

Pokrovsky N. N. *Poslednii v Mariiinskom dvortse: vospominaniya ministra inostrannykh del* [The Last One in the Mariinsky Palace: Memoirs of the Minister of Foreign Affairs]. Moscow, Novoe literaturnoe obozreniye, 2015, 488 p. (In Russ.)

Shakhmatov M. V. *Poslednie dni Mariiinskogo dvortsa i Petrograda*. Praga, 1927 g. [The Last Days of the Mariinsky Palace and Petrograd. Prague, 1927]. *Rossiiskii Arkhiv: Istoriya Otechestva v svidetel'stvakh i dokumentakh XVIII–XX vv.: Al'manakh* [Russian Archive: History of the Fatherland in Testimonies and Documents of the 18th – 20th Centuries: Almanac]. Moscow, 2005, vol. 14, p. 669–691. (In Russ.)

Tēvija (Rīga), July 30, 1941, no. 26. (In Latv.)

Vertsinsky E. A. *God revolyutsii. Vospominaniya ofitsera general'nogo shtaba za 1917–1918 gody* [Year of the Revolution. Memoirs of the Officer of the General Staff for 1917–1918]. Tallinn, ERK Publ., 1929, 62 p. (In Russ.)

Voinilovich E. *Vospominaniya* [Memories]. Minsk, Minskaya Rimsko-katolicheskaya parafiya Sv. Simona i Yeleny, 2007, 379 p. (In Russ.)

Woyńłłowicz E. *Wspomnienia 1847–1928*. Wilno, Komitet Uczczenia ś. p. E. Woyńłłowicza, 1931, 368 s. (In Pol.)